УДК 94(470)«1941/1945»

БОЕВЫЕ ДЕЙСТВИЯ 1-ГО ЭШЕЛОНА ПОДВОДНЫХ ЛОДОК КРАСНОЗНАМЕННОГО БАЛТИЙСКОГО ФЛОТА В КАМПАНИЮ 1943 ГОДА

Морозов М. Э.

***Научно-исследовательский институт военной истории
Военной академии Генерального штаба Вооруженных Сил РФ,
г. Москва, Российская Федерация.
E-mail: red-sub@mail.ru***

Среди драматических эпизодов, выпавших на долю отечественного подводного флота в годы Великой Отечественной войны, кампания 1943 г. на Балтике занимает особое место. Ни до, ни после нее соотношение успехов и собственных потерь не достигало такого невыгодного для советской стороны соотношения, как в этот период. Из состава 1-го эшелона развертывания кампании 1943 г. пропали без вести две из трех входивших в его состав подлодок (66%) при том, что ни одной из них так и не удалось вырваться за пределы Финского залива и принять участие в действиях на коммуникациях противника. Рассекречивание в последние годы большого пласта документов из отечественных архивов, находки на дне Финского залива, а также появившийся доступ к документам бывших противников дает возможность максимально полно восстановить картину событий и объективно оценить причины трагических неудач.

Ключевые слова: Великая Отечественная война 1941–1945 гг., Военно-Морской Флот СССР, военные действия на море, боевые действия на Балтийском театре военных действий, подводные лодки, противолодочная оборона.

Планирование боевых действий подводных лодок Краснознаменного Балтийского флота (КБФ) на кампанию 1943 г. началось в самом начале года, когда Финский залив был еще скован льдом. «Плана действий подводных лодок КБФ на коммуникациях противника в кампанию 1943 г.» был завершен к 27 марта и утвержден командующим КБФ вице-адмиралом В. Ф. Трибуцом 8 апреля 1943 г. [1].

На основе анализа коммуникаций противника в Балтийском море, «Планом» предусматривалось нарезка 11 наиболее выгодных для действий подлодок районов, из которых 7-8 планировалось занять подлодками разворачиваемого в самом начале кампании 1-го эшелона [2].

Второй раздел «Плана» содержал сведения разведки о состоянии противолодочной обороны (ПЛО) противника в Финском заливе. Считалось, что немецко-финское командование создало и будет наращивать три рубежа ПЛО: первый между побережьем Финляндии у Манни, о. Гогланд, о. Большой Тютерс и о. Вигрунд (Гогландский), второй на меридиане м. Юминданина и третий между маяком Порккалан-Каллбода и о. Найссар (Нарген-Поркаллаудский). Каждый из рубежей состоял из линий минных заграждений, корабельных дозоров, береговых артиллерийских батарей, прожекторов, шумопеленгаторных станций, постов наблюдения (рисунок 1).

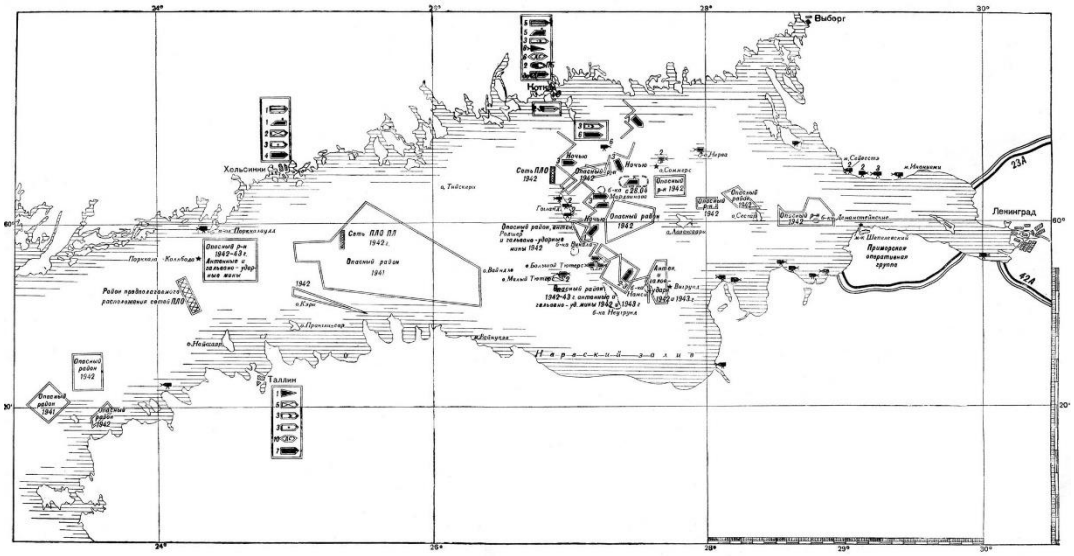

Рис. 1. Средства противолодочной обороны и силы корабельного дозора германских и финских ВМС в Финском заливе по информации, имевшейся в штабе КБФ на 1 мая 1943 г. Источник: Хроника Великой Отечественной войны Советского Союза на Балтийском море и Ладожском озере. Выпуск 4 (1 января – 30 июня 1943 г.). М., 1949. С. 320.

Как показали последующие события, «План действий подводных лодок» не учитывал всех изменений в ПЛО противника. Весной 1943 г. система ПЛО противника в Финском заливе была коренным образом реорганизована. Главные усилия были сосредоточены на Нарген-Поркаллудском рубеже, основу которого составляло двойное сетевое заграждение «Вальросс», выставленное в самом узком месте залива от берега до берега, от поверхности до самого дна. Перед сетями находилось минное заграждение «Насхорн», на котором к началу июня 1943 г. имелось около 10 тысяч мин. Второй рубеж – Гогландский – являлся передовым. В его основе лежало минное заграждение «Зееигель» (около 5,3 тыс. мин). Между рубежами в средней части залива постоянно действовали финские и немецкие корабельные поисковые группы, поддержанные противолодочной авиацией. Общее количество кораблей и катеров германских и финских ВМС, задействованное в несении дозоров на рубежах и поиске подводных лодок достигало к 20-м числам мая 100 единиц. Все это позволяет сделать вывод, что Финский залив от меридиана Гогланда до меридиана Таллина превратился в один сплошной противолодочный рубеж глубиной около 100 миль [3].

Обо всем этом в разведотделе штаба КБФ имелись лишь отрывочные сведения воздушной и агентурной разведки. В апреле для дальней разведки Финского залива было произведено 47 самолето-вылетов, в мае – 25, в июне – 24. Сокращение числа вылетов после апреля объяснялось усилением противодействия вражеской истребительной авиации [4].

В результате вся выработка способов форсирования Финского залива на кампанию 1943 г. осуществлялась на основании старых разведданных и оценках обстановки, сложившихся к концу предыдущей кампании. Форсировать залив подлодки должны были исключительно в подводном положении, всплывая для зарядки батарей исключительно в темное время суток. С учетом того, что в конце мая в Финском заливе наступает период белых ночей развертывание 1-го эшелона планировалось осуществить между 7 и 24 мая, а возвращение в базу осуществить после 20 июля [5]. В состав 1-го эшелона «Планом» выделялись подлодки Щ-303, Щ-323, Щ-408, С-9, С-13, К-52, по две в состав резерва – (Щ-406, С-12) и для проведения разведывательных выходов (М-96, М-102). Для увеличения времени пребывания под водой каждая готовившаяся к походу лодка принимала большой запас средств регенерации воздуха, так например Щ-303 приняла 14 баллонов кислорода и 1400 регенерационных патронов [6].

По замыслу составителей плана прорыв через залив осуществлялся в два этап: первый - от Кронштадта до момента окончания прорыва через Гогландский рубеж, на котором действия подлодок обеспечивались своими силами и второй от Гогландского рубежа до устья залива, который подлодки преодолевали самостоятельно.

Участок от Кронштадта до точки погружения на восточном Гогландском плесе планировалось преодолевать за две ночи с промежуточной покладкой на грунт в районе о. Сескар. При этом переход обеспечивался своими надводными кораблями и авиацией. Из точки погружения до момента завершения форсирования Гогландского рубежа лодки двигались самостоятельно по маршруту через Нарвский залив, но их прорыв должен был обеспечиваться ударами авиации по вражеским дозорам.

Наиболее выгодным маршрутом движения на втором этапе считался центральный, проходивший через сильно разрядившееся минное заграждение «Юминда», выставленное противником в 1941 г. При этом меридиан маяка Каллбодагрунд требовалось форсировать в подводном положении, после чего без паузы в ночь на 4-е сутки с момента выхода из Кронштадта предполагалось преодолеть и Нарген–Поркаллаудский рубеж. Перед этим составители плана предусмотрели лишь одну зарядку батарей – на протяжении 4 часов в ночь на 3-е сутки похода в районе острова Вайндло. Окончательный выход за пределы устья Финского залива согласно плановой таблице должен был произойти в 23 часа 5-х суток прорыва [7]. Первая и вторая подлодки эшелона в течение прорыва должны были трижды выйти на связь с командованием по радио: по окончанию 1-й зарядки, после прохода Нарген–Поркаллаудского рубежа и окончанию 2-й зарядки, и после выхода в Балтийское море. Только после получения всех вышеуказанных донесений от обоих кораблей командование собиралось возобновить развертывание остальной части 1-го эшелона.

2 апреля Военный совет КБФ отдал директиву №ОП/422сс. Согласно нее командиру бригады подводных лодок (БПЛ) КБФ капитану 1 ранга С. Б. Верховскому и командующему Кронштадтскому МОР капитану 1 ранга Г. И. Левченко надлежало уже 18 – 20 апреля выслать две первые подлодки на позиции в Балтийское море с учетом возвращения их до периода белых ночей не

позднее 20 – 25 мая. Выбор пал на Щ-303 и Щ-408 [8]. В штабе флота прекрасно понимали значение фактора времени и торопились вывести в море первую пару подлодок, но из-за запоздалого вскрытия восточной части залива ото льда первоначальный срок оказался не выдержан. 28 апреля Военный совет КБФ отдал директиву №ОП/576сс, в которой приказывал командующему КМОР в ночь на 3 мая приступить к проводке Щ-303 и Щ-408 из Кронштадта до точки погружения западнее Лавенсари. 2 мая Левченко доложил командующему флотом, что траление фарватеров в районе Кронштадт – Лавенсаари задерживается из-за наличия густого плавучего льда, и просил перенести выход подводных лодок на 4 – 5 мая. В конечном итоге отряд, включавший обе подлодки в сопровождении пяти быстроходных тральщиков (БТЩ), шести сторожевых катеров и двух дымзавесчиков вышел в море вечером 7 мая [9]. К утру 9 мая отряд достиг острова, но у входа в островную бухту БТЩ-210 подорвался на мине [10]. В связи с необходимость траления подходов к Лавенсари вывод первой из подлодок – Щ-303 – в точку погружения состоялся лишь в ночь на 12 мая.

С большим нетерпением в штабе флота и бригады ждали сообщения от Щ-303 но его долго не поступало. Как выяснилось позже, форсирование залива сразу пошло с отставанием от плановой таблицы. На то, чтобы достичь первого района зарядки у о. Вайндло у «щуки» ушло не одни сутки, а двое, на то, чтобы зарядить батарею – не одна ночь, а четыре [11]. Последнее объяснялось помехами, создававшимися самолетами и финскими сторожевыми катерами, от которых подлодка была вынуждена погружаться (рисунок 2).

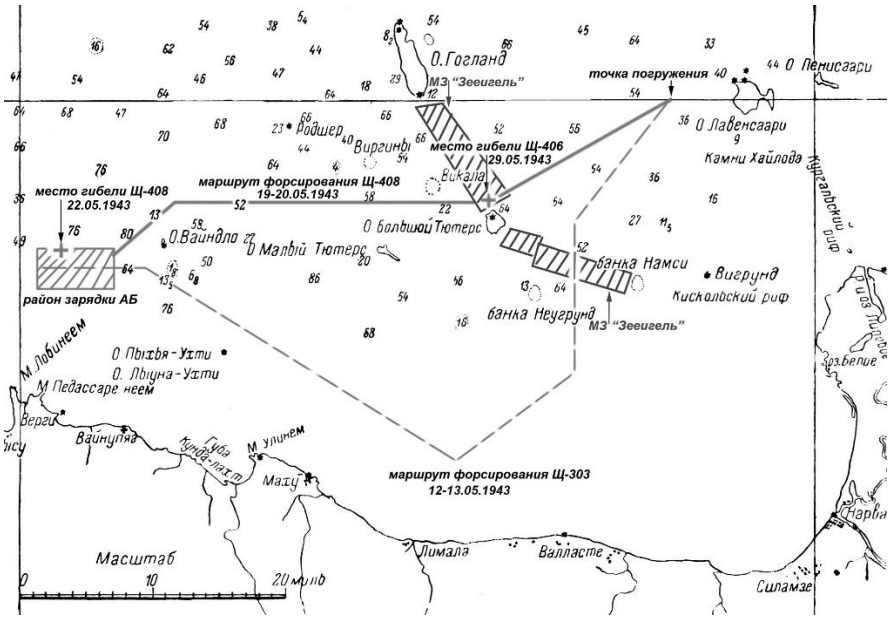

Рис. 2. Форсирование Гогландского противолодочного рубежа подводными лодками 1-го эшелона в мае 1943 г. Схема разработана автором статьи.

Лишь около 2 часов ночи 17 мая после завершения зарядки подлодка передала сообщение о завершении форсирования рубежа. Радиограмма представляла собой одну группу цифр (слово «Аист») без позывных и служебных сочетаний, переданную с предельной быстротой – всего за 1,5 – 2 секунды, – а кроме того, в нарушение инструкции по связи не был сделан повтор спустя 15-20 минут. Все эти нарушения были осуществлены по прямому приказанию командира подлодки, который опасался радиопеленгования. По времени и волнам передача совпала с трансляцией московской широковещательной радиостанции, поэтому не была принята даже несмотря на то, что дежурство на нужной волне осуществляли 10 радиоприемных центров КБФ [12]. Следующее сообщение, согласно «Плана» должно было последовать из района зарядки, расположенного западнее меридиана Таллина, но поскольку туда Щ-303 добраться так и не смогла, субмарина продолжала молчать на протяжении еще девяти суток. В результате, в штабе КБФ Щ-303 сочли погибшей на минах в Нарвском заливе. Затянувшееся ожидание радиограммы привело к большой задержке с развертыванием 1-го эшелона в целом, вследствие чего последующим подлодкам пришлось выйти в море, когда продолжительность темного времени суток сократилась до минимальных значений. Основной причиной произошедшего следует признать ошибки составителей «Плана действий подводных лодок», которые при отсутствии достаточных разведданных выбрали неудачный, контролировавшийся силами противника район зарядки и не предусмотрели запасного района. Это стало одной из главных причин гибели Щ-408.

Это подводная лодка продолжала скрытно базироваться на Лавенсари до вечера 18 мая. В 01.00 19 мая Щ-408 была оставлена эскортом в точке погружения, после чего приступила к самостоятельному прорыву Гогландского рубежа [13]. Можно предположить, что в течение дня субмарина успешно форсировала заграждение «Зееигель» и к утру 20 мая прибыла в район о. Вайндло. В ночь на 21 мая «щука», вероятно, смогла частично подзарядить батареи, но, как и в случае с Щ-303, этому мешали пролеты самолетов и проходы патрульных катеров. В 12.40 (по немецкому летнему времени; на час меньше московского) 21 мая ее присутствие по масляному пятну было обнаружено немецким гидросамолетом, который сбросил бомбы и вызвал поддержку. Вслед за этим подлодку атаковал финский самолет, осуществивший наводку поисковой группы, состоявшей из трех немецких быстроходных десантных барж (БДБ). В 16.16-16.28 баржи бомбардировали район топливного пятна, после чего легли в дрейф и приступили к пеленгованию шумов при помощи опускаемых станций. Это продолжалось до 01.49 (в 02.49 по московскому времени), когда Щ-408 всплыла в 700 метрах от баржи «F 188», которая сразу же открыла огонь из 75-мм орудия и 20-мм автоматов. Спустя несколько минут к ней присоединились и две другие баржи [14]. В 02.55 и в 02.58 приемные радиостанции КБФ получили от Щ-408 две радиограммы, общее содержание которых было следующим: «Атакован силами ПЛО, имею незначительные повреждения. Противник не дает заряжаться. Прошу выслать авиацию. Мое место Вайндло». Бой продолжался около 11 минут, после чего подлодка погрузилась. Согласно материалам обследования остова Щ-408 на грунте, она получила попадания как минимум трех 75-мм снарядов в районе рубки и многочисленные попадания 20-мм

снарядов. На мостике с левого борта, напротив пробоины от снаряда, был обнаружен пистолет-пулемет ППШ, принадлежавший, вероятно, командиру лодки [15]. С учетом данных обследования можно придти к выводу, что гибель субмарины наступила не в результате разрушения прочного корпуса глубинными бомбами в ходе последующих атак немецких и финских кораблей 22 и 23 мая, как это считалось ранее, а в результате полного израсходования запасов воздуха высокого давления и электроэнергии, повреждения цистерн главного балласта и вероятной гибели командира в артиллерийском бою в ночь на 22 мая, а также, возможно, в связи с отказом оставшихся моряков поднять корабль на поверхность и сдаться противнику.

В начале третьей декады мая ситуация в глазах штаба КБФ выглядела следующим образом: Щ-303 считалась погибшей, а Щ-408 - прорывающейся через Финский залив. В Кронштадте в готовности к выходу находились Ш-406 и С-12, операция по проводке которых к Лавенсари началась вечером 23-го и завершился в ночь на 25 мая. Именно в этот момент в штаб БПЛ начали поступать данные от Щ-303. В 01.05 25 мая от нее была получена радиограмма: «Возвращаюсь в базу. Задержите ПЛ ПЛ Мохни» [16, л. 339]. Сразу же на «щуку» было направлен запрос о ее состоянии и причине задержки с выходом в открытое море. Следующей ночью командир Щ-303 капитан 3 ранга И.В. Травкин доложил: «[В точке] Ш=59.41,1 с.ш., Д=24.26,6 в.д. попал в сети. Повреждений не имею». В штабе бригады решили, что за сутки «щука» перешла из района о. Мохни к о. Найссар, где и попала в противолодочную сеть, что совершенно не соответствовало истинному положению. Известие о том, что обе первых «щуки» успешно форсировали Гогландский рубеж стало основанием для возобновления подготовки к выходу С-12 и Щ-406. В ночи на 27 и 28 мая штаб БПЛ продолжал запрашивать Щ-303 о месте ее нахождения и состоянии, но Травкин сохранял радиомолчание. Лишь в ранние часы 29 мая с Щ-303 была получена третья радиограмма: «Мое место Ш=59.58,5 с.ш. Д=25.16 в.д. Нарген сильная ПЛО. Старшина трюмных попал в плен. Кислорода два баллона…» [17, л. 340]. С получением этого сообщения стало ясно, что положение, в котором оказалась «щука», гораздо сложнее, чем считалось ранее, и у командира действительно есть основания настаивать на возвращении в базу.

Вкратце со «щукой» за прошедшие дни произошло следующее: После окончания зарядки у о. Вайндло Щ-303 двинулась на запад, и утром 19-го приступила к форсированию Нарген-Поркаллаудского рубежа. В 04.38 она коснулась минрепа, а в 18.15 уперлась в сеть. Силой противодействия ее развернуло на 50 градусов на левый борт, одновременно возник 11-градусный дифферент на нос. В этой ситуации командиру ничего не оставалось, как оторваться от сети и отойти на восток, пытаясь найти место для незапланированной зарядки. Им стал район в 7,5 милях северо-западнее маяка Кери. Из-за помех, создаваемых силами ПЛО, в ночь на 20-е «щука» заряжалась на протяжении 78 минут, а в ночь на 21-е не смогла зарядиться вовсе [18]. Хотя командир не обращался к экипажу, всем на борту было ясно, что лодка находится в критическом положении – запасы электроэнергии и воздуха высокого давления (ВВД) сократились до минимума, стремительно убывали средства регенерации. В этой обстановке произошел случай, не имевший аналогов в

подводных силах других государств во Второй мировой войне – переход на сторону врага члена экипажа подводной лодки.

Днем 21 мая старшина трюмных Б. А. Галкин, оставшись один в центральном посту, продул цистерны главного балласта [19]. Лодка всплыла на виду у двух поисковых групп БДБ, но успела погрузиться раньше, чем противник по ней пристрелялся. Галкин оказался в воде и был спасен немцами [20]. После продолжительной бомбардировки (по оценке Травкина на лодку было сброшено до 200 глубинных бомб) вечером 22 мая Щ-303 на остаточном заряде батарей перешла в район в 9 милях северо-восточнее о. Кери. Зарядка возобновилась в ночь на 24 мая и продолжалась до 1 июня (девять ночей). В этой обстановке Травкин и принял решение о возвращении, рекомендовав командованию задержать выход остальных подлодок.

Из-за невразумительно составленных на борту Щ-303 радиограмм уяснение обстановки командованием сильно затянулось, и Щ-406 в ночь на 29 мая ушла в боевой поход. Он оказался очень коротким – еще до полудня подлодка погибла на мине заграждения «Зееигель» в паре миль севернее о. Большой Тютерс [21]. Лишь вечером 31 мая командованием КБФ были приняты два важнейших решения, фактически означавших прекращение развертывания 1-го эшелона: на Щ-303 была отправлена радиограмма, разрешающая возвращение в базу, а на С-12 - об отмене подготовки к походу [22]. 8 июня «щука» была встречена эскортом и приведена в бухту о. Лавенсари. В ночи на 10 и 11 июня она вместе с С-12 в два этапа была переведена от Лавенсари в Кронштадт.

Сразу после прибытия Щ-303 в базу началось изучение материалов ее похода. Условия, в которых находились подводники, прекрасно иллюстрировались цифрами. За 30 суток с момента выхода из Кронштадта, «щука» прошла 261,7 мили в надводном и 255,1 милю в подводном положении. Нахождение на грунте в общей сложности заняло 538 часов (22,5 дня), максимальное пребывание без всплытия – 76 часов 11 минут [23]. Общий расход средств регенерации воздуха составил 13 баллонов кислорода и 1250 патронов к регенерационным машинкам. Из-за длительного нахождения на грунте на глубинах 70-80 метров межотсечные переборки деформировались, в результате чего прорезалась и повыдавливалась резина комингсов входных люков. Хотя в походе Щ-303 не потопила ни одного корабля противника, его без всякого преувеличения можно считать одной из наиболее героических страниц советского подплава за все время войны, а экипаж «щуки» поставить в один ряд с героями последних дней обороны Брестской крепости. Впрочем, как показали последующие события, не все представители командных инстанций оказались с этим согласны.

14 июня комбриг Верховский представил Военному совету КБФ доклад о боевом походе Щ-303. Действия командира и экипажа он оценил высоко, а причиной невыхода в Балтийское море назвал «израсходование до прохода дальних противолодочных рубежей энергетических ресурсов, связанных с подводной автономностью и невозможностью их пополнения в море». Все расчеты составителей «Плана действий подводных лодок», комбриг, вопреки фактам, назвал правильными. Он считал залив проходимым при условии, что подлодки будут прибывать к сетям с

полным зарядом аккумуляторной батареи, что позволит им находить маршруты обхода сетей и преодолевать их. Он подчеркивал необходимость наличия как минимум трех часов темного времени в сутки для полноценного пополнения запасов электроэнергии, то есть фактически предлагал повторить попытки прорыва после завершения белых ночей [24]. В недалеком будущем именно эти идеи легли в основу замысла действий подлодок 2-го эшелона.

В штабе флота подготовили доклад на имя наркома ВМФ к 26 июня 1943 г. Краткое описание похода, сделанное в докладе, заметно преуменьшало сложности, с которыми экипаж Щ-303 столкнулся при прорыве. Так например, в документе не упоминалось о задевании подлодки за минреп при приближении к сетевому заграждению, не давалось параметров сетей, установленных визуальным наблюдением Травкина. Отсутствовало описание многочисленных контактов с кораблями и самолетами в районах зарядок, из-за чего плавание по заливу исключительно в подводном положении не казалась единственно возможным условием выживания.

Помимо этого просматривалось явное желание снять со штаба КБФ всякую ответственность за невыход «щуки» в Балтийское море и переложить ее на командира подлодки. «Зная о возможной встрече противолодочных сетей на рубеже Нарген – Порккалан-Каллбода, – писалось в документе, – командир ПЛ не подзарядил аккумуляторную батарею…, дабы в случае попадания в сеть имелась бы возможность найти обходные пути». При этом составители доклада сделали вид, что не знакомы с «Планом подводной войны», в котором единственное место зарядки между Гогландским и Нарген-Поркаллаудским рубежами находилось у о. Вайндло, откуда прийти в район сетей в подводном положении с неразряженной батареей было технически невозможно. На основании этого констатировалось невыполнение командиром Щ-303 поставленной задачи по выходу в Балтийское море и уничтожению вражеских кораблей и судов [25].

Еще больше несправедливой критики содержалось в анализе похода Щ-303, произведенном в Главном морском штабе (ГМШ) ВМФ СССР. Анализ был завершен к началу августа, когда в ходе подготовки к развертыванию 2-го эшелона были выявлены новые данные о концентрации сил и средств ПЛО в Финском заливе. В частности, 6 июля самолет-разведчик произвел первое фотографирование сетевого заграждения «Вальросс», а спустя 10 дней была произведена его полная аэрофотосъемка [26]. То, что сети нельзя было обойти с флангов, стало очевидным. Тем не менее, оценка похода Щ-303 осталась неизменной.

В частности рассматриваемый документ содержал следующие утверждения: «Не подновленные минные поля противника в Финском заливе в результате воздействия на них льдов и штормов в течение двух лет оказались настолько разряжены, что подлодка не имела ни одного касания минрепа на протяжении всего перехода (517 миль от Лавенсаари до Таллина в оба конца)… Несмотря на большое количество сил и средств ПЛО, противнику удалось подлодку атаковать только после ее всплытия в результате предательства». Соответствовал этим утверждениям и вывод: «Основной причиной неуспеха подлодки «Щ-303» явилось не воздействие противника, а плохая организация службы на корабле. Организация службы была настолько низка, что

предателю трюмному не составило больших трудов самостоятельно заставить подлодку всплыть в самой гуще сил ПЛО противника… Командир подлодки, зная, что придется форсировать район сетей [27], пришел в этот район, имея [низкую] плотность батарей… Это явилось причиной того, что лодка по существу не могла найти слабое место в заграждении и форсировать этот рубеж» [28].

Таким образом, развертывание 1-го эшелона подлодок КБФ в ходе кампании 1943 г. оказалось сорванным, задачи, поставленные Военным советом КБФ и руководством ВМФ – не выполненными, а две из трех направленных в море подлодок погибли.

Что же стало причиной неуспеха? Ответ лежит на поверхности – качественное и количественное усиление сил и средств ПЛО противника. К последним в первую очередь нужно отнести беспрецедентное по масштабам применение противолодочных сетей. Важными дополнениями к этому стали усиленные минные заграждения, корабельные и воздушные патрули на всю глубину Финского залива на запад от линии о. Гогланд – о. Большой Тютерс. Все это вкупе с периодом белых ночей превратило форсирование в не решаемую и крайне опасную задачу.

Вместе с тем, нельзя не задаться вопросом насколько оправданной была потеря двух подводных кораблей. На первом этапе наши неудачи еще можно было списать на отсутствие необходимых разведданных, хотя и это утверждение выглядит малоубедительным. Усиление воздушной и агентурной разведки в подготовительный период неизбежно привело бы к появлению многочисленных оснований для корректировки «Плана действий подводных лодок КБФ». Представляется, что этому препятствовали не только объективные трудности. После возвращения Щ-303, когда об отсутствии разведданных об обстановке в Финском заливе говорить уже не приходилось, все вышестоящие штабы обнаружили тенденцию к преуменьшению сил и средств противника, упрощению сложившейся обстановки, с одновременным предъявлением претензий к исполнителям низового звена, зачастую необоснованным. Вероятно, многие командиры и штабные работники понимали, что решить те или иные задачи с учетом реально существующей обстановки было невозможно, но все равно продолжали их ставить, поскольку от них этого требовало вышестоящее командование. В случаях неудач вся ответственность перекладывалась на рядовых исполнителей - командиров частей, подразделений и экипажей. Представляется, что командный состав среднего звена опасался обвинений в пассивности больше, чем неудач при активных действиях. Таким образом, при решении данной конкретной задачи сложилась система, обрекавшая на повторение неудач, к разряду которых можно отнести, в частности, попытку развертывания 2-го эшелона подлодок КБФ в конце июля – начале августа 1943 года.

Список использованных источников и литературы

1. ЦАМО (Центральный архив Министерства обороны). Архив ВМФ. Ф. 161. Оп. 43. Д. 140. Л. 1–53.

TSAMO (Tsentral'nyy arkhiv Ministerstva oborony). Arkhiv VMF. F. 161. Op. 43. D. 140. L. 1–53.

2. ЦАМО (архив ВМФ). Ф. 161. Оп. 43. Д. 140. Л. 19–28.

TSAMO (arkhiv VMF). F. 161. Op. 43. D. 140. L. 19–28.

3. Боевая летопись Военно-Морского Флота, 1943. – М., 1993. С. 329–330.

Boyevaya letopis' Voyenno-Morskogo Flota, 1943. – M., 1993. S. 329–330.
4. ЦАМО (архив ВМФ). Ф. 596. Оп. 42. Д. 81. Л. 148–149.
TSAMO (arkhiv VMF). F. 596. Op. 42. D. 81. L. 148–149.
5. ЦАМО (архив ВМФ). Ф. 161. Оп. 43. Д. 140. Л. 30–31.
TSAMO (arkhiv VMF). F. 161. Op. 43. D. 140. L. 30–31.
6. ЦАМО (архив ВМФ). Ф. 18. Д. 11228. Л. 75.
TSAMO (arkhiv VMF). F. 18. D. 11228. L. 75.
7. ЦАМО (архив ВМФ). Ф. 161. Оп. 43. Д. 140. Л. 45–46.
TSAMO (arkhiv VMF). F. 161. Op. 43. D. 140. L. 45–46.
8. ЦАМО (архив ВМФ). Ф. 9. Д. 12371. Л. 36.
TSAMO (arkhiv VMF). F. 9. D. 12371. L. 36.
9. Хроника Великой Отечественной войны Советского Союза на Балтийском море и Ладожском озере. М., 1949. Вып. 4. С. 308, 325, 334–335.
Khronika Velikoy Otechestvennoy voyny Sovetskogo Soyuza na Baltiyskom more i Ladozhskom ozere. M., 1949. Vyp. 4. S. 308, 325, 334–335.
10. ЦАМО (архив ВМФ). Ф. 85. Д. 19669. Л. 54–56.
TSAMO (arkhiv VMF). F. 85. D. 19669. L. 54–56.
11. ЦАМО (архив ВМФ). Ф. 369. Д. 34749. Л. 279.
TSAMO (arkhiv VMF). F. 369. D. 34749. L. 279.
12. ЦАМО (архив ВМФ). Ф. 18. Д. 11228. Л. 62., Боевая деятельность подводных лодок Военно-Морского Флота СССР в Великую Отечественную войну 1941-1945 гг. Том II. Подводные лодки Краснознаменного Балтийского флота в Великой Отечественной войне. М., 1969. С. 200.
TSAMO (arkhiv VMF). F. 18. D. 11228. L. 62., Boyevaya deyatel'nost' podvodnykh lodok Voyenno-Morskogo Flota SSSR v Velikuyu Otechestvennuyu voynu 1941-1945 gg. Tom II. Podvodnyye lodki Krasnoznamennogo Baltiyskogo flota v Velikoy Otechestvennoy voyny. M., 1969. S. 200.
13. ЦАМО (архив ВМФ). Ф. 18. Д. 11228. Л. 6.
TSAMO (arkhiv VMF). F. 18. D. 11228. L. 6.
14. The U.S. National Archives and Records Administration (далее NARA), фонд T-1022, микрофильм (roll) 3056, дело PG49687, Kriegstagebuch der 24. L.-flottille 15-31.5.1943. Anlage 6.
15. Подводная лодка Щ-408. Поисковый отчет. СПб., 2016. С. 9.
Podvodnaya lodka SHCH-408. Poiskovyy otchet. SPb., 2016. S. 9.
16. Боевая деятельность подводных лодок Военно-Морского Флота СССР в Великую Отечественную войну 1941-1945 гг. Том II. Подводные лодки Краснознаменного Балтийского флота в Великой Отечественной войне. М., 1969. С. 202.
Boyevaya deyatel'nost' podvodnykh lodok Voyenno-Morskogo Flota SSSR v Velikuyu Otechestvennuyu voynu 1941-1945 gg. Tom II. Podvodnyye lodki Krasnoznamennogo Baltiyskogo flota v Velikoy Otechestvennoy voyny. M., 1969. S. 202.
17. ЦАМО (архив ВМФ). Ф. 161. Оп. 43. Д. 139. Л. 340.
TSAMO (arkhiv VMF). F. 161. Op. 43. D. 139. L. 340.
18. ЦАМО (архив ВМФ). Ф. 369. Д. 34749. Л. 279–281.
TSAMO (arkhiv VMF). F. 369. D. 34749. L. 279–281.
19. ЦАМО (архив ВМФ). Ф. 18. Д. 23988. Л. 88.
TSAMO (arkhiv VMF). F. 18. D. 23988. L. 88.
20. Немецкие материалы свидетельствуют, что мотивами перехода Галкина на сторону противника являлась не ненависть к советской власти и желание ей навредить, а страх за свою собственную жизнь. В отчете командующего тральными соединениями «Восток» за вторую половину мая 1943 г. имеются, в частности, такие строки: «Особенно ценно, что 21 мая старшину трюмных с ПЛ 303 удалось взять в плен. Его нервы были так расшатаны длительным переходом под водой между сторожевиками, что при всплытии лодки он выпрыгнул за борт» // NARA. T-1022, roll 4311, PG 39564. Kriegstagebuch des F.d.M.-Ost 16.5.1943 – 31.12.1943. S. 382.
21. Подводная лодка Щ-320 и Щ-406. Поисковый отчет. СПб., 2017. С. 19–26.
Podvodnaya lodka SHCH-320 i SHCH-406. Poiskovyy otchet. SPb., 2017. S. 19–26.
22. ЦАМО (архив ВМФ). Ф. 18. Д.11228. Л. 5; ЦАМО (архив ВМФ). Ф. 161. Оп. 43. Д. 139. Л. 340.
TSAMO (arkhiv VMF). F. 18. D.11228. L. 5; TSAMO (arkhiv VMF). F. 161. Op. 43. D. 139. L. 340.

23. ЦАМО (архив ВМФ). Ф. 18. Д. 34749. Л. 267.
TSAMO (arkhiv VMF). F. 18. D. 34749. L. 267.
24. ЦАМО (архив ВМФ). Ф. 369. Д. 34749. Л. 262–271.
TSAMO (arkhiv VMF). F. 369. D. 34749. L. 262–271.
25. ЦАМО (архив ВМФ). Ф. 2. Оп. 1. Д. 586. Л. 1–13.
TSAMO (arkhiv VMF). F. 2. Op. 1. D. 586. L. 1–13.
26. ЦАМО (архив ВМФ). Ф. 596. Оп. 42. Д. 81. Л. 265.
TSAMO (arkhiv VMF). F. 596. Op. 42. D. 81. L. 265.
27. О необходимости неизбежного форсирования сети Травкин не знал. В «Боевой директиве №1/оп» от 23.4.1943 г., врученной командиру подлодки на боевой поход, касательно сетей можно найти лишь следующие строки: «На зюйд-ост о маяка Порккалан-Каллбода противник, предположительно, противник производил постановку противолодочных сетей» // ЦАМО (архив ВМФ). Ф. 18. Д. 34747. Л.179.
TSAMO (arkhiv VMF). F. 18. D. 34747. L.179.
28. ЦАМО (архив ВМФ). Ф. 2. Оп. 1. Д. 586. Л. 78–80.
TSAMO (arkhiv VMF). F. 2. Op. 1. D. 586. L. 78–80.

Morozov M. E. Combat actions of the 1st echelon of the submarines of the Red banned baltic fleet in the campaign of 1943

Among the dramatic episodes that fell to the share of the Russian submarine fleet during the Great Patriotic War, the campaign of 1943 in the Baltic takes a special place. Neither before nor after it, the ratio of successes and own losses did not reach such a disadvantage for the Soviet side of the ratio, as in this period. Of the composition of the 1st echelon of the deployment of the 1943 campaign, two of the three submarines (66%) were missing, despite the fact that none of them managed to breakthrough from the Gulf of Finland and take part in actions on the sea communications of enemy. The declassification in recent years of a large layer of documents from domestic archives, finds wrecks on the bottom of the Gulf of Finland, and the access to documents of former opponents gives the opportunity to restore the picture of events as completely as possible and objectively assess the causes of the tragic failures.

Keywords: the Great Patriotic War of 1941–1945, the USSR Navy, combat actions at sea, military operations in the Baltic theater of operations, submarines, anti-submarine warfare.